

ЭТНОС И ПОЛИТИКА

ИСТОРИЧНОСТЬ ФЕНОМЕНА “ЕВРЕЯ-ДИВАНБЕГИ” В СВЕТЕ
КАШГАРСКОГО КОНФЛИКТА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

© 2018

Е. А. ЯКУБОВ

Независимый исследователь, Израиль
E-mail: bellfim@yahoo.com.

В статье впервые рассматривается “еврейский след” в дипломатической победе Кокандского ханства – мирном договоре с Китаем по Восточному Туркестану в конце первой трети XIX в. В связи с этим автор подробно останавливается на событиях, приведших к его подписанию. На основе сопоставления данных среднеазиатских и китайских информаторов предпринята попытка идентифицировать безымянного героя статьи с имеющими отношение к договору личностями, названными в этих источниках. Пересмотрены устоявшиеся представления о начале еврейского присутствия в Ташкентско-кокандском регионе, которое, по мнению автора, следует отодвинуть, как минимум, на несколько десятилетий от принятой даты – середины XIX в.

Ключевые слова: “еврей-диванбеги”, Китай, Коканд, Кашгария, Ташкент, Средняя Азия, ходжа, хан, торговля, пошлины, договор, евреи.

DOI: 10.7868/S0869190818030056FEW REMARKS ON THE APPEARANCE OF JEWS IN TASHKENT
AND KOKAND

Yefim A. YAKUBOV

Independent Researcher, Israel
E-mail: bellfim@yahoo.com

The article for the first time examines the “Jewish presence” in a unique diplomatic victory of the Kokand Khanate – a peace treaty with China concerning East Turkestan in the end of the first third of the nineteenth century. The author found it necessary to dwell on the events that led to its signing. Comparing the data of the Central Asian and Chinese informants the author makes an attempt to identify an unnamed hero of the peace treaty as pertaining to the persons connected to this treaty and named in these sources. The article reviews the established dates of the beginning of the Jewish presence in the Tashkent-Kokand Region. According to the author, the Jewish presence began at least for a few decades earlier than the accepted date of the mid-nineteenth century implies, i.e. in the first third of the century.

Keywords: “Jew-Divanbegi”, China, Kokand, Kashgar, Tashkent, Central Asia, Khoja, Khan, trade, tax, treaty, Jews.

В бухарско-еврейской историографии широко бытует версия о том, что Арон Кандинов, на исходе первой половины XIX в. пожалованный чином *хазиначи* (казначей) Бухарского ханства [Ильев¹, 2005, с. 26–34; Сухарева, 1966, с. 176; Eshel², 1966, р. 42–43; Tajer³, 1971, р. 24], после вырванного согласия перейти в ислам первым из евреев Средней Азии был удостоен крупного государственного поста. Однако ценнейший источник по истории Ташкента XVIII в., подготовленный О.Д. Чехович к печати в 1968 г., при всей сосредоточенности на перипетиях дококандского периода заставляет пересмотреть парадигму исключительности возвышения Кандинова, а затем и вопрос о начале пребывания здесь евреев.

Речь идет об эпическом памятнике, называемом “Сказание о Ташкенте”. Он сохранился в перечеркнутом виде как вставка в сочинении Мухаммед Салиха Ташканди (род. в 1830 г., точный год смерти не установлен) “Тарих-и джадида-йи Ташканд” (“Новая история Ташкента”) [Чехович, 1970, с. 173; Чехович, 1976, с. 157], законченном в 1875 г. [Соколов, 1965, с. 37]. Правдивость сведений, содержащихся в “Сказании”, подтверждается рядом заслуживающих доверия сообщений [Чехович, 1970, с. 173], в том числе первого русского посланника в Ташкенте Д.А. Телятникова (1796–1797), а также горных техников Поспелова и Бурнашева, побывавших здесь в 1800 г. В СССР касаться “Новой истории” начали с 1941 г. [там же], но о “Сказании” и людях, поведавших о нем, умолчали.

В результате, кроме ярких событий эпохи четырех *хакимов* и правления Юнуса-ходжи (1784–1802), оказался скрытым важный факт истории евреев Средней Азии, неведомый до публикации О.Д. Чехович: «Нам неизвестно, позаимствовал ли Мухаммед Салих Ташканди это краткое описание Ташкента из какого-либо не дошедшего до нас сочинения или составил это описание сам на основании устных преданий. “Сказанию” предпослана ссылка на рассказы двух лиц: еврея-диванбеги, возвысившегося благодаря путешествию в Китай для заключения мирного договора (подчеркнуто мною. – Е.Я.), и муллы Джуванмарда, *надима* при ферганском дворе⁴. Оба они якобы были приглашены к деду автора, где и рассказали “сказку” про Ташкент XVIII в.» [там же, с. 173, 176]. И далее: “...рассказанные ими события происходили через два года или позже после воцарения. Имеются в виду, очевидно, неудачный поход Ташкентского правителя Юнуса-ходжи на Коканд и воцарение Алим-хана”⁵ [там же, с. 176].

“Еврей-диванбеги”, конечно сменивший веру, в отличие от уймы носителей всяческих титулов предстает в “Сказании” без имени. Это вовсе не случайный промах составителя, чей авторитет историка общепризнан. Будучи активным поборником ислама [Соколов, 1965, там же], зная о требовании быть мусульманами, предьявляемом сановникам в узбекских ханствах независимо от исконной религии, столь демонстративным “упущением” он выразил традиционно негативное отношение к евреям, присущее землякам-единоверцам. Подобный вывод подтверждается фактами о Кокандском ханстве из “Военного сборника” 1869 г., вобравшего данные, добытые российской военной миссией зимой 1867–1868 г., в период составления “Новой истории Ташкента”.

Среди них обращает внимание следующее наблюдение: “...встречаются в незначительном числе инородцы, преимущественно торговые люди: бухарцы, афганцы, индусы

¹ Со слов своего отца, внука А. Кандинова, автор сообщает сохранившиеся в семье интересные подробности пертурбаций, выпавших на долю знаменитого предка.

² Eshel – единственный, кто считает, что у Кандинова была должность “закатчи”. По его мнению, так называли главного чиновника, ведавшего денежно-налоговыми делами в Бухарском ханстве.

³ Лишь в этой работе необоснованно утверждается о принятии А. Кандиновым ислама без принуждения со стороны власть имущих в Бухаре. На мой взгляд, подобное измышление “ввели в оборот” потомки того самого враждовавшего с ним семейства, донос которого привел не только к аресту Кандинова, но и к угрозе казни за отказ изменить веру, конфискации имущества и многолетнему заточению.

⁴ То есть Кокандском ханстве.

⁵ При этом хане Ташкент стал кокандским владением.

и евреи. Последние в большом презрении у туземцев” [*История Средней Азии*, 2003, с. 424].

Безымянность “еврея-диванбеги” все же не препятствует узнать, какой мирный договор вспомнил Мухаммед Салих, ибо из приведенного текста ясно, что это — договор между Кокандом и Китаем. Узаконив его в январе 1832 г., богдыхан одарил страну-соседа привилегиями, в которых постоянно отказывал два десятилетия, а Коканд, домогаясь их, прибегал к военным авантюрам, неизменно провальным.

Судить о значении беспримерной для своего времени аномалии такого рода, знаменующей кардинальный пересмотр подхода Китая к межнациональным проблемам на доктринальном уровне, можно, только критически анализируя сведения о главных событиях, приведших к ее возникновению. Вместе с тем существует необходимость показать заслугу в этом “еврея-диванбеги”, поскольку историография конфликтов двух стран данный узловой момент обошла вниманием, притом что коллизии в Восточном Туркестане, главном месте их соперничества, довольно исследованы, начиная с уходящих корнями в середину XVIII в. первых сношений. Тогда, захватив Джунгарию, империя Цин аннексировала и населенную мусульманами, в массе своей уйгурами, Кашгарию⁶, объединив их в одну провинцию Синьцзян.

Правившие прежде кашгарские аристократы — ходжи из династии Ак-Таклын (“Белогорцы”), опасаясь за свою жизнь, бежали в Бадахшан и затем в Бухару [*О некоторых событиях...*, 1861, кн. 1, с. 31–35; кн. 2, с. 140–149]. Лишь после становления и расширения в конце XVIII — начале XIX в. Кокандского ханства, вышедшего к границам Кашгарии, сыновья ходжи — престолонаследника Сарымсака, перебрались в Коканд. Их претензии на освобождение Родины от “неверных” и возврат трона нашли тут понимание и поддержку [*История Средней Азии*, 2003, с. 348*⁷; Кузнецов, 1983, с. 58–60], что не могло не тревожить Китай.

Вскоре вопрос о потомках владык Кашгарии стал основным фактором, определившим взаимоотношения двух стран в XIX в., но их характер часто преподносился в искаженном виде.

Так, долгие годы главным образом в российско-советских источниках вкуче со среднеазиатскими господствовало суждение, явно зародившееся в Коканде. Его суть заключалась в том, что Пекин с 1813 г. платил хану Омару, брату убитого в результате руководимого им в 1810 г. заговора Алим-хана, дань, “уговорив” не допускать ходжей в пределы Синьцзяна [*История Средней Азии*, 2003, с. 441]. Их квазиарест щедро оплачивался Поднебесной слитками серебра разного веса — *ямбами*. По данным российских информаторов, “собранным” в 1826–1827 г., количеством 200 ямб, хотя известны и суммы в 250 и даже 1000 ямб в год⁸ [Валиханов, 1964, с. 125, 144, 426; *О некоторых событиях...*, кн. 2, с. 150–151]. Много позже В. Кузнецов, исследуя китайские первоисточники, поставил под вопрос само существование сделки [Кузнецов, 1983, с. 12]. Дело в том, что цинские императоры традиционно видели в западных соседях не вассалов, но лишь варваров-иноземцев. И с Кокандом они изначально исключили общение на равных, видя в нем один из зависимых уделов, правда, иногда допуская торговые поблажки. Ханов называли беками, поскольку не признавали Коканд ханством [Кузнецов, 1983, с. 53–54, 58–59, 87–88, 98–99].

В общем, при проведении Пекином своей обычной жесткой политики, не приемлющей и намека на заискивание, Омар не был исключением. Впрочем, после его восшествия, задумав узнать местопребывание кашгарских принцев, *хакимбек* города Кашгара

⁶ В русских источниках Кашгария, или Восточный Туркестан, иногда именовалась Малой Бухарией, в то время как у мусульман — Алты-шахар, т.е. Шестиградье.

⁷ Ссылки на работу В. П. Наливкина “Краткая история Кокандского ханства” (1886), помещенные в этом сборнике, будут отмечаться значком*.

⁸ Имея форму подковы с круглой печатью, одна ямба могла весить от 220 г до 1 кг 870 г в переводе на ныне употребляемые меры [Мейендорф, 1975, с. 129; Землищын, 1876, с. 30].

Юнус посылал ему подарки и заверял в дружеском расположении, сочтя нужным задобрить хана. Однако самостоятельность обернулась для Юнуса большими неприятностями [там же, с. 87]. Омар стал добиваться получения в Восточном Туркестане особых торговых льгот, всякий раз повышая их уровень, невзирая на постоянно отрицательную реакцию китайцев. А обзор его наиболее заметных и хорошо рассчитанных действий показывает, что у китайцев никогда не запрашивались, а ими не предлагались отчисления взамен присмотра за ходжами.

В 1814 г. хан уведомил Китай о желании иметь в столице Нан-лу⁹, Кашгаре, своего чиновника, казийбека, который, не будучи подвластен хакиму, ведал бы там делами андижанских торговцев, облагая их сборами в пользу хана, минуя власти [там же, с. 88]. Следом Омар известил о задержании сына Сарымсака Джахангира, намеревавшегося проникнуть в Алты-шахар, за что просил администрацию Синьцзяна пойти навстречу ходатайству по поводу все тех же льгот [там же]. Продолжающиеся домогательства побудили Циню наказывать строптивого хана, и с 1817 г. его послы перестали принимать в Китае. Впервые подобный запрет, действовавший 10 лет, империя применила против Коканда в 1799 г. [там же, с. 60, 86, 88]. Омара, впрочем, это не усмирило. В 1820 г. он снова настаивал на допуске в Кашгар аксакалов для надзора за делами кокандских купцов, но в ответ вышло распоряжение взимать с их товаров в Кашгарии полную пошлину. Тем самым отменялась скидка десятилетней давности о выплате торговых сборов в половинном размере, дозволенной еще Алим-хану в расчете на его лояльность [там же, с. 86, 88]. В свою очередь, Омар, отказав в военной помощи Джахангиру, не противодействовал ему в новой попытке проникнуть в Синьцзян осенью того же года [там же, с. 75, 88].

Только с этого момента китайцы смягчили тон, акцентируя желание ублажить хана, если прекратит потакать Джахангиру и поможет заполучить его. Омар отвел эти претензии, напомнив о своих: допуск в Пекин послов и беспошлинная торговля для кокандцев в Кашгарии, но император Даогуан 道光 (Миньнин) остался тверд. Красноречив его указ от 10 февраля 1822 г.: “За кордоном много разных племен. Уступи этот раз просьбе Коканда, появится нежелательный прецедент на будущее для других” [там же, с. 89–90]. Впрочем, Омар о нем не узнал: осенью 1821 г. он умер от скоротечной болезни.

В управление страной ввиду отсутствия у покойного братьев вступил не достигший 12 лет его сын, Мухаммад Али (в русскоязычной историографии – Мадали). Знать единодушно поддержала наследника, попросив во всем подражать отцу [*История Средней Азии**, 2003, с. 345] и надеясь извлечь личные выгоды из его неопытности. К тому имелись и другие основания: своенравного подростка отличала неумная жажда к кутежам, попойкам, гаремным утехам [там же, с. 343–345].

Китай, разумеется, отслеживал ситуацию. И поскольку там перешли к умеренной политике в отношении ханства, возобновилась регулярная переписка хаким-бека Кашгара с Ферганским двором [Кузнецов, 1983, с. 89]. Надо полагать, использовались и устоявшиеся источники информации вроде купцов, паломников... Так что привычки, особенности характера Мухаммада Али, безусловно, учитывались в Пекине с намерением обратить их в свою пользу, но первые же годы его правления показали полную несостоятельность расчетов и оказавшихся иллюзорными надежд. Вскоре юный хан доказал, что, кроме обычных для местных деспотов крайней жестокости и разнузданности, он далек от предпочтений отца. Отсутствие дара стихотворца (в то время как Омар, сльвя тонким поэтом, был покровителем 101 литератора, чьи сочинения украсили сборник “Маджму-и-Шуара”) [Бартольд, 1963, с. 289; *История Средней Азии**, 2003, с. 330–331]¹⁰ явилось ударом лишь для писательских кругов. Куда серьезнее оказались последствия гонений на приближенных Омара, чьи места заняли выдвиненцы наследника. Очевидно, их усилиями

⁹ Восьмиградья. Китайцы Восточный Туркестан иначе не называли.

¹⁰ Мать Мухаммада Али, жена Омара, Магляр-аим, со временем обрела славу величайшей узбекской поэтессы под псевдонимом Надира.

антагонизм с Китаем не только не ослаб – с 1821 г. он обрел небывалый размах, а наиболее амбициозный ходжа Джахангир возобновил вылазки против китайцев [Кузнецов, 1983, с. 76, 78]. Проявив снисходительность, Пекин сделал вид, что хана в этом не винит, разрешив даже въезд послов в 1824 г. [там же, с. 91], ведь Коканд напрямую не содействовал ходже.

Новый виток кашгарского кризиса пришелся на 1825 г., когда ввиду зыбкости обстановки в Восточном Туркестане кокандцы испробовали угрозу помощи мятежникам как инструмент давления, и очередной посланник хана поднял вопрос об отмене пошлины в Кашгаре на кокандские товары. Решив, что пока Джахангир представляет опасность, вовсе игнорировать стремление ханства сохранять свободу рук невозможно, кашгарский наместник согласился сократить пошлину вдвое. Посланник отклонил эту уступку, но Кашгар на попятную не пошел. Назойливость кокандцев привела лишь к тому, что Пекин перестал замалчивать проблему Джахангира. По получении известий о его намерении укрываться в Коканде хану передали: арест и выдачу ходжи оценят достойной наградой; если не сможет выдать – не укрывать его [там же, с. 90–91]. Так как реакции Коканда не последовало, Джахангир без помех, опираясь на тысячи приверженцев, в 1826 г. поднял в Алты-шахаре антицинское восстание. Однако его призывы о помощи, да и советы духовенства возглавить священную войну *газават*, не удостоились скорой реакции хана. Впрочем, как только просочились слухи о хранилище серебра в осажденной цитадели Кашгара, он велел помочь ходже, на стороне которого с первого дня боев изнутри сражалась городская община андижанцев [*История Средней Азии**, 2003, с. 349; Кузнецов, 1983, с. 91].

Итогом двух лет военных действий стала полная победа китайцев, а ее финальным аккордом – казнь плененного в результате предательства принца Джахангира, изрезанного на части [Валиханов, 1964, с. 128, 151; *История Средней Азии**, 2003, с. 351; *Китайские документы...*, 1994, с. 146, 248–249; *Кашгария...*, 1879, с. 116–117; *О некоторых событиях...*, кн. 2, с. 152]. Поражение хана не уняло: кокандцы раз за разом вторгались в Кашгарию в 1828–1829 гг., поскольку Китай, считая Коканд главным виновником нанесшего огромный урон восстания, торговлю с ним запретил. Seriously навредило ханству и инициированное Поднебесной соглашение с Кундузом и Бухарой, когда, минуя Фергану, чай стали напрямую завозить в их земли и далее в Афганистан [*Записки...*, 1904, с. 133; Кузнецов, 1983, с. 92–96].

Знакомство со сведениями из докладной “О положении дел в Кашгаре”, поданной в Министерство финансов России 8 февраля 1827 г. с обзором ситуации до событий 1826 г., позволяет оценить потери Коканда от санкций:

«Область сия уважается в Средней Азии по производимой через оную китайскую торговлю. Она составляет складочное место и почти единственный “порт”, через который сие государство снабжает чаем Малую и Большую Бухарию, Авганистан, Бадахшан, Малый Тибет, Кашмир и Хиву и часть Персии и другие народы, живущие в Южной части Азии, получая от них разную рухлядь: лисицу, корсаков и мерлушки. Еще вывозят оттуда фарфор. Торг так велик, что ежедневно приходят из Внутреннего Китая от 100 до 300 верблюдов. Вход в Кашгарию дозволен одним азиатцам...» [Валиханов, 1964, с. 425–426].

Между тем большая часть транзитных путей в названные страны, за пользование которыми взималась пошлина в ханскую казну, пролегла или по кокандским владениям, или по областям – вассалам Коканда.

Не замыкаясь на запретах, после казни повстанцев, сопровождавшейся нещадным грабежом, срытием их домов и раздачей в рабство членов семей, в 1829 г. Китай предложил хану мир и 1000 ямб за выдачу ходжей, но встретил отказ. Эту информацию, не находящую другого подтверждения, летом 1832 г. в секретном рапорте генерал-губернатору Западной Сибири Вельяминову передал начальник его штаба генерал-майор С.Б. Броневский [там же, с. 144–145]. Более того, Коканд взял курс на новую войну, ведь восстание, несмотря на трагический исход, развеяло миф о непобедимости Китая. Зная о симпатиях

народа к белогорским ходжам, постоянно боровшимся против маньчжуро-китайского гнета, призвали брата Джохангира Мухаммад-Юсуфа, пообещав возврат земли предков, после чего объявили газават [*Записки...*, с. 134–135; Кузнецов, 1983, с. 96]. И в сентябре 1830 г. собранные значительные силы – около 40 тыс. человек, громя китайские пикеты, вошли в Кашгарию. Командовал ими не Мухаммад Али-хан, поскольку он после 1828 г., согласно одной хронике, “по возвращении из кашгарского похода... с какой-то нечеловеческой ненасытностью предался вину и женщинам” [*История Средней Азии**, 2003, с. 352], а администратор ханства в звании “мингбаши”¹¹ Хак-кули-бий [Валиханов, 1964, с. 133–136; *История Средней Азии**, 2003, с. 338; *Кашгария*, 1879, с. 118].

Бои вновь поначалу сложились для Китая неудачно. Оставляемые города без промедления подчинились Мухаммад-Юсуфу. Тем не менее после отвода большей части армии хана в ноябре, осознав, что малыми силами не устоять, он ретировался, завершив 90-дневное правление. Следом начался уход 70 тыс. кашгарцев, расселенных в Ходжентской округе и Ташкенте [*Записки...*, 1904, с. 135; *История Средней Азии**, с. 353; *О некоторых событиях...*, 1861, кн. 1, с. 38¹²]. А уже весной 1831 г., в продолжение непрерывных угроз западному приграничью Китая, заодно готовясь к ожидаемой передислокации сил противника для нанесения удара по ханству, кокандцы начали захват киргизских улусов, сооружая укрепления, опоясавшие Кашгарию [*Записки...*, 1904, с. 136; Кузнецов, 1983, с. 98].

Сложившиеся обстоятельства и осознание бессилия добиться выдачи ходжей побудили Цинов попытаться мирно разрешить противоречия с воинствующим соседом в ходе переговоров. Для чего, по кокандской версии, в столицу ханства той же весной прибыла делегация из четырех человек. Задержав троих, четвертого хан отправил со своими представителями в Пекин [*Записки...*, там же]. Отмежевавшись от обязательств по поводу ходжей и ответственности за их вторжения, он предложил, восстановив мирные отношения, возобновить торговлю и только. Китайцы, согласно изысканиям В. Кузнецова, преподносят процесс иначе, делая упор на то, что послы Миджас, Майтимола и Айкам, пробывавшие после войны 1830 г. всего лишь добиться отмены в Синьцзяне эмбарго в обмен на заверения Коканда о дружбе, уехали ни с чем [Кузнецов, 1983, с. 97].

В империи считали, что если снять запреты без ручательства выдать главарей сопротивления и возврата пленных, то “не только Коканд не узнает страха, но, вероятно, и остальные закордонные варвары станут смотреть на нас с пренебрежением” [там же].

Прощупывая мирный подход, Поднебесная одновременно рассматривала план радикальной ликвидации угрозы с Запада посредством захвата ханства, отстаиваемый наместником Синьцзяна. Его оппонент, командующий карательными силами при подавлении обоих восстаний Чан Лин, не отрицал, что с задачей справятся всего 30–40 тыс. отборных солдат и что вражескую кавалерию легко выбить из строя, поскольку та не владеет современной тактикой ведения ружейного огня; в 9 основных населенных пунктах, включая столицу, нет городских стен. Учитывая ненависть Бухарского ханства к Коканду, а также притесняемых им киргизских и казахских племен, обложить неприятеля со всех сторон и обескровить не займет много времени. Однако, по мысли Чан Лина, сопряженные с походом трудности, в основном погодные условия, могут привести к чувствительным потерям [Кузнецов, 1983, с. 96]. Колебался и император.

Судя по дальнейшему развитию событий и впервые прозвучавшему требованию Коканда о беспошлинной торговле в Синьцзяне и компенсации за имущество, конфискованное у андижанцев взамен на возврат китайских пленных [там же, с. 98], думается, в это время для ведения переговоров прибыл “еврей-диванбег”. Именно его деятельностью можно объяснить происшедшую в течение считанных месяцев, немислимую еще

¹¹ В Бухаре схожие функции выполнял *кушбег*.

¹² Только в этом источнике, автор которого, по его словам, принимал участие в походе, указано, что правление Мухаммад Юсуфа-ходжи в Кашгарии продолжалось шесть с половиной месяцев.

недавно метаморфозу китайской позиции, когда все директивы о недопустимости мер послабления, имеющих прецедентный характер, оказались “забыты”. Вместе с тем точку зрения, что иначе цинский двор потерял бы Кашгарию [там же], нельзя принимать полностью, ведь речь идет о несравнимых по могуществу государствах, а перспектива новой войны тяготила обе стороны. В роли проводника мирного урегулирования и тотальных уступок предстал Чан Лин [там же].

Доступные мне источники не позволяют сделать кажущийся разумным вывод об имевших место контактах между китайским военачальником и кокандским дипломатом. Однако доподлинно известно, что, представляя в Пекин в начале 1832 г. сводку разведанных, Чан Лин снабдил их своими заведомо оптимистичными оценками и уверял в следующем: а) с разрешением торговать в Нан-лу перед вершителем всего в Коканде *мингбаши* Ага-Кулом открывается перспектива обогатиться, и он будет более покладист в отношении империи; б) с допуском в Кашгарию сборщиков пошлин, назначаемых из Коканда, потомки ходжей не смогут там подстрекать и входить в сговор со своими приверженцами [Кузнецов, 1983, с. 97–98]. Такая поразительная отзывчивость жестокого усмирителя кашгарской смуты на устремления страны, много лет сеявшей смуту, вряд ли произошла без участия “еврея-диванбеги”, выдвигенца Ага-Кула.

На фоне обстановки, сложившейся вокруг переговоров, интересен такой случай. В разгар боев 1830 г. хан отправил посла в Петербург просить помощи опытными офицерами и артиллерией, необходимыми для войн с Китаем. В какой степени Пекин был осведомлен о целях посольства, ясности нет. Но принимая во внимание, что свита посла, застрявшего по дороге в Сибири, включала 20 человек, а в подарок царю везли слона и двух китайцев [Валиханов, 1964, с. 135, 137–140], в Поднебесной о существовании миссии должны были знать. Не желая осложнять отношения с тогда еще влиятельным соседом, Россия отказалась принять посла, однако уведомление Китаю об этом запоздало, поступив уже после окончания переговоров [там же, с. 141]. Так что допустимо предположить использование “евреем-диванбеги” с целью “профилактического нажима” на Китай намерения Коканда обратиться за помощью к русским как показатель настроя на войны с ним.

Пользуясь своим авторитетом, Чан Лин убедил императора утвердить указом от 13 января 1832 г. статьи особого мирного договора [Валиханов, 1964, с. 137, 140; Кузнецов, 1983, с. 98]. Без преувеличения его можно считать настолько уникальным, насколько и неожиданным. Отменив запрет на торговлю с Кокандом и соглашаясь выплатить компенсацию за имущество, конфискованное у андижанской общины Кашгара, Цинская империя уступила куда более слабому Кокандскому ханству ряд суверенных прав в Кашгарии. Отныне кокандцы могли торговать без пошлин в городах: Аксу, Уч-Кургане, Кашгаре, Янги-Гиссаре, Яркенде, Хотане, платя сборы назначаемым Кокандом купеческим старшинам — аксакалам под надзором аксакала Кашгара, состоявшего и политическим представителем хана. Взамен Коканд обещал удерживать ходжей на своей территории и вернуть китайских пленных, не дав никаких гарантий. Заполучить ходжей Китай так и не смог [*Записки...*, там же; Кузнецов, там же].

Трудно переоценить роль огромных денежных поступлений, постоянно пополнявших казну ханства благодаря достигнутому миру [Бабабеков, 1990, с. 18]. Только в одном Кашгаре ежегодно взималось 10 тыс. золотых монет — *тилля*¹³, сбором которых занимался посланец хана, что подтвердил и английский шпион-путешественник Бёрнс [*О некоторых событиях...*, 1861, кн. 2, с. 152]. Превращение Коканда к концу 1830-х гг. в одно из крупнейших государств Средней Азии [Иванов, 1958, с. 194], без сомнения, нужно отнести к результатам соглашений в Пекине. Отсюда и средства, выделенные Мухаммад

¹³Посетивший Коканд в 1829 г. хорунжий Н. Потанин выяснил, что кокандская *тилля* весила 1 золотник [Лунин, 1990, с. 14]. Это 4,266 г. Годовая оплата сельскохозяйственного рабочего не превышала 7 *тилля* [Иванов, 1958, с. 189].

Али-ханом в этот период на лучшие постройки в столице и проведение масштабных оросительных работ [Бартольд, 1963, там же; *История Средней Азии*, 2003, с. 441].

Очевидно, еще до вояжа в Пекин “еврей-диванбеги” принял ислам, так как, согласно кокандо-российским источникам, уполномоченного на заключение договора звали Алим-беком [Бабабеков, 1990, с. 35]. Его настоящее имя до смены веры не приводится. Однако, сопоставив свидетельства, полученные в Кашгарии Ч. Валихановым, с обнаруженными в цинских хрониках В. Кузнецовым, можно попытаться восстановить указанный пробел.

Согласно первому, на переговорах “кокандским полномочным был купец Алим-патша. В 1832 г. (т.е. по достижении договора) этот самый Алим был назначен кашгарским аксакалом, получив этот город, как и все должности в Коканде, на аренду” [*Записки...*, 1904, там же]. Китайцы посла, прибывшего в Кашгарию после отмены эмбарго, называют Дяогэрбай [Кузнецов, 1983, там же], что нужно понимать как Джора-бай.

Между тем в Средней Азии имя Джора – транскрипция от еврейского Гиора. Вполне вероятно, будучи состоятельным человеком – “бай” означает “богач”, – он запомнился в Нан-лу под своим исконным именем. Таким образом, есть основания отождествлять в одном лице Алим-бека (*патшу*), Дяогэрбая (Джора-бая), Гиору и “еврея-диванбеги”.

Но насколько высоко в кокандском табеле о рангах того времени котировался чин *диванбеги* и, главное, какими он был наделен полномочиями? Проблематичность ответа на этот вопрос обусловлена рядом субъективных факторов. Их суть точно подметил П. Иванов, обративший внимание, что уже при Омаре в Кокандском ханстве, как и всюду в Средней Азии, строгого разграничения функций отдельных сановников не существовало. Объем власти каждого из них определялся степенью личного влияния при ханском дворе [Иванов, 1958, с. 185]. Трудность состоит и в том, что специальные исследования по кокандским чинам и званиям, не в пример бухарским, по которым имеются фундаментальные работы А. Семенова, О. Чехович, А. Вильдановой, не велись. Искать сходство должностных обязанностей у носителей одинаково звучащих кокандских и бухарских чинов некорректно. Обратимся к примерам.

Ранее уже упоминалось о несовпадении чинов, облеченных прерогативами высшего государственного управления: *мингбаши* в Коканде и *кушбеги* в Бухаре. В то же время *мингбаши* в Бухаре командовали отрядами в 1000 воинов [Мейендорф, 1975, с. 139], а *кушбеги* в Коканде, состоя в ближайшем к хану кругу лиц, управляли главными областями: Ташкентской, Маргиланской, Ходжентской и др. [Иванов, там же; *История Средней Азии*, 2003, с. 446–447]. Начиная с конца XVIII в., звание *диванбеги* в Бухаре было третьим по важности после *аталыка* и *кушбеги*. Диванбеги ведал приходо-расходными статьями [Семенов, 1929, с. 10], занимаясь деятельностью, обычной для министра финансов. В Коканде, однако, в рассматриваемый период *мингбаши* главенствовал и в вопросах фиска, а *диванбеги*, будучи значимой фигурой, что подтвердил Мухаммед Салих Ташканди, обладал заметно меньшей полнотой власти, нежели “бухарец”. В этой связи уместно привести указание П. Савельева в примечаниях “Записок о Кокандском ханстве” Потанина о том, что чин диванбеги (*дуанбек*) в Коканде ниже чина бека, т.е. управляющего округом [Лунин, 1990, с. 8]. А в Ташкенте конца XVIII в. *дуанбек* ведал городской торговлей, являясь и судьей по мелким искам [Валиханов, 1964, с. 287]. В должности аксакала Кашгара “еврей-диванбеги” сочетал все названные функции.

Вместе с тем одновременное назначение на пост политического представителя Коканда не только показало признание его заслуг, но и, очевидно, возвысило над другими обладателями этого чина, что отметил автор “Новой истории Ташкента”.

Нехватка материала не позволяет прояснить до конца и вопрос о происхождении “еврея-диванбеги”, пришлый он или туземец Ташкента. Поиски ответа неизбежно затрагивают господствующие представления, относящие появление евреев в Ташкенте к первой половине XIX в., “когда этот город, входивший в Кокандское ханство, превратился в крупный торговый центр” [КЕЭ, 1996, с. 767]. Опуская подробности, широко

представленные в трудах по истории региона, отмечу лишь, что репутацию крупного торгового центра Ташкент имел еще в XVIII в. [Чехович, 1976, с. 149]. К середине следующего столетия по темпам роста торгового оборота, особенно с Россией, он превзошел все города Средней Азии [Иванов, 1958, с. 196; Соколов, 1965, с. 114].

Важно еще раз заострить внимание на том, что сведения, приводимые в “Сказании”, охватывающие череду событий перед курултаем 1784 г., который утвердил правителем Ташкента Юнуса-ходжу, и до захвата города кокандцами в 1808 г.¹⁴, отличаются точностью и глубоким знанием подробностей. Напрашивается вывод, что либо “еврей-диванбеги”, как и второй рассказчик, был свидетелем происходившего, либо рос в семье, заставшей эти события в Ташкенте. Отсюда основание предполагать пребывание евреев здесь, во всяком случае, в последней четверти XVIII в. Но это, в общем, последовательное суждение не удостоверяется прямо источниками.

Наиболее полное для своего времени описание Ташкента дал Поспелов, о чьем посещении города в 1800 г. вместе с Бурнашевым говорилось ранее. Во второй его части — “О Ташкентском владении”, в главе (отделении) 12 об образе жизни жителей, — приведен такой факт: “...многие обряды сходствуют с обрядами других народов одного с ними исповедания веры. Не терпится презрение своих собратий, и нередко без различия состояния, особливо при празднествах пища их один стол составляет; из сего сообщения исключаются люди другого исповедания веры” [*Поездка Поспелова...*, 1851, с. 40].

Иноверцами в Средней Азии тех лет могли быть евреи и индусы. Интересно, что, повествуя о податях, порой неординарных, например об “обязанности очень большой выплаты владельцу каждому вступающему в супружество” [там же, с. 32], Поспелов ничего не пишет об отдельном налоге с иноверцев — *джизье*. Получается, что под властью Юнуса-ходжи вольный город Ташкент был, пожалуй, единственным местом в Средней Азии, где евреи избежали этой формы дискриминации.

Объяснение такому послаблению, скорее всего, кроется в их скромной роли в хозяйственной жизни города и крайней малочисленности. Этой же причиной, наверное, можно объяснить и отсутствие упоминания о евреях военным переводчиком Ф. Назаровым, объехавшим города Кокандского ханства, включая Ташкент, в 1813—1814 гг., в правление Омара [Назаров, 1968, с. 5—75]. Нет сомнения, будь присутствие евреев в Ташкенте 1800 г. заметно существеннее, оно нашло бы у Поспелова подобающее отражение, аналогично с опубликованными 200 лет назад ценными сведениями его напарника, Бурнашева, о евреях Бухары, включая данные о *джизье*, собранными во время нахождения его там в 1795 г. [*Сибирский вестник*, 1818, с. 65—67].

В свете сказанного чрезмерно категоричным выглядит утверждение Е. Мейендорфа, в большой степени опирающееся на устную информацию, почерпнутую в ходе пребывания в Бухаре в 1821 г. Касаясь местностей, обжитых евреями, он писал: “...В Бадахшане, Коканде и Кашгаре еврейского населения нет” [Мейендорф, 1975, с. 95]. Коканд выступает тут в одной связке с областями, а не с городами, перечисленными ранее, поэтому имеется в виду все Кокандское ханство, включая Ташкент. Тогда Е. Мейендорф общался с духовным лидером евреев Бухары [там же, с. 96—97], раввином Йосефом Мамоном Маарави, которого, безусловно, следует считать его главным источником сведений о населении евреев в Средней Азии и об их количестве, к сожалению — и Коканд не был исключением — не всегда точных¹⁵.

Помимо Ташкента в рассматриваемый период евреи проживали по крайней мере, еще в двух городах ханства: в столице страны Коканде, а также Маргилане. Находящиеся

¹⁴ Эти сообщения имели место еще в Коканде, поскольку ташкентский период жизни составителя “Сказания” начался только в 1858 г. [Соколов, 1965, с. 37].

¹⁵ Некоторые аспекты вопроса о порой противоречивых данных о численности евреев в Средней Азии, в основном в первой половине XIX в., подробно освещены в статье профессора М. Занда “Yahadut Bukhara va kibosh asia hatikhona beyadei harusim” [*Pe'amim*, no. 35, 1988, p. 50—57].

в архивах важные свидетельства об этом оставил генерал Г.Ф. Генс (1787–1845), много лет состоявший председателем Оренбургской пограничной комиссии.

Через Оренбург, ставший военно-административным и экономическим форпостом России на Востоке, двигался самый большой поток среднеазиатских купцов, направлявшихся в крупные торговые центры и ярмарки. Благодаря этому живо интересовавшийся историей региона Г.Ф. Генс, служивший во время приводимых далее событий капитаном, имел доступ к разного рода сведениям, дополнявшим или подтверждавшим данные других источников информации [Михалева, 1991, с. 4–5]. Среди них есть и сообщение, связанное с проблемой, порожденной повсеместным ажиотажным спросом на модные тогда кашмирские шали:

“В 1819 г. один бухарский еврей привез из Ура-Тюбе шаль собственного изготовления. Она была настолько красива, что заинтересовала эмира, который послал нарочного узнать цену этой шали. Оказалось, что ее продавали за 50 червонцев. Лучшие кашмирские шали стоили в Бухаре по 100 червонцев. Хан¹⁶ приказал доставить этого мастера к себе, обласкал, одарил его и велел набрать учеников, чтобы научить своему ремеслу” [там же, с. 25].

Согласно Г.Ф. Генсу, кроме Ура-Тюбе в изготовление шалей наподобие кашмирских, из козьего пуха, оказались втянуты жители Коканда и Маргилана. Не было дома, где не занимались бы этим промыслом. Причем искусная окраска пуховой пряжи была делом рук евреев [там же, с. 24].

Пребывание евреев в городе Коканде десятью годами позже косвенно признал Потанин. Описывая провизию, предоставленную здесь гостям из России, он не преминул выделить ее “алкогольную составляющую”: “...сверх этого выдавалась нам виноградная водка, крепостию, равняющаяся с кизлярскою, но имеющая неприятный запах” [Лунин, 1990, с. 13]. Между тем виноградная водка и в Бухаре, и в Кокандском ханстве изготавливалась только евреями [Будрин, 1871, с. 3; Краузе, 1872, с. 197; Мейендорф, 1975, с. 137].

Возвращаясь к теме о малочисленности евреев в Ташкенте, нельзя не увидеть, что эта особенность сохранялась до завоевания города русскими летом 1865 г. Покоритель Ташкента генерал М.Г. Черняев застал в нем всего 27 семей евреев, объединявших чуть более ста человек, чье униженное правовое положение мало отличалось от состояния, в котором пребывали их соплеменники в Бухаре [Добромыслов, 1912, с. 81]. Они поведали, что живут здесь очень давно, большинство занято приготовлением и продажей шелковых материй, а первоначально евреи поселились в Ташкенте лет 400 тому назад [там же]. Подобная датировка не находит подтверждения в письменных источниках, а археологические изыскания по поводу еврейского присутствия, которые могли бы способствовать снятию завесы неопределенности в этом вопросе, не велись.

В 1865 г. обнажилась еще одна отличительная особенность еврейской общины Ташкента, не представимая у евреев Бухарского ханства в XIX в.: притом что существовал молитвенный дом, “появление которого теряется в глубокой древности” [там же, с. 321], община никогда не имела раввина, ограничиваясь одним резником. Как и учителей для единственной начальной школы, его всегда приглашали из Бухары [там же, с. 81].

Деятельность “еврея-диванбеги” после 1832 г. неизвестна. Нет ответа и на вопрос, сохранил ли он жизнь, если не умер раньше, при захвате Коканда в апреле 1842 г. ханом Бухары Насруллоем. По его приказу, повестует историк Мирза Абдул-Азим аль-Сами, “убили Мухаммад-Али хана, его брата Султан-Махмуда, других родственников и мать его. Большая часть сановников Ферганы также была казнена” [ЦГА РУ, л. 2].

¹⁶ Эмир Хайдар, хан Бухары в 1800–1826 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабабеков Х. *Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (18–19 вв.)*. Отв. ред. Б. Ахмедов. Ташкент: Фан, 1990.
- Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. 2, ч. 1. Отв. ред. Б. Гафуров. М.: Наука, 1963.
- Будрин. Русские в Бухаре в 1820 году (Записки очевидца) // *Справочная книжка Оренбургского края на 1871 г.* Издание Оренбургского статистического управления. Отд. II.
- Валиханов Ч. *Собрание сочинений в пяти томах*. Т. III. Изд-во АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1964.
- Добромыслов А. *Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк*. Ташкент, 1912.
- Записки императорского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX // *Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова* / Изданы под ред. Н. Веселовского. СПб., 1904.
- Земляничин И. Исторический очерк Семипалатинска // *Материалы для статистики Туркестанского края*. Под ред. Н.А. Маева. Вып. 4. СПб., 1876.
- Иванов П. Очерки по истории Средней Азии. Отв. ред. А. Боровков. М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
- Ильяев А. *Пережитое*. Нью-Йорк, 2005.
- Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля*. Труд А.Н. Куропаткина. Изд. Императорского Русского географического общества. СПб., 1879.
- Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв.* Отв. ред. Г.С. Садвакасов. Алматы: Гылым, 1994.
- Кокандское ханство по новейшим сведениям (1869) // *История Средней Азии. Сб. исторических произведений*. Сост. А. Булдаков, С. Шумов, А. Андреев. М., 2003.
- Краткая еврейская энциклопедия*. Т. 8. Иерусалим, 1996.
- Краузе И. Заметки о винокуренном производстве в Ташкенте // *Русский Туркестан*. Вып. 2. М. – СПб., 1872.
- Кузнецов В. *Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)*. Новосибирск: Наука, 1983.
- Лунин Б. *История Узбекистана в источниках. Узбекистан в сообщениях путешественников и ученых (20–80-е годы XIX в.)*. Ташкент: Фан, 1990.
- Мейендорф Е. *Путешествие из Оренбурга в Бухару*. Под ред. Н. Халфина. М.: Наука, 1975.
- Михалева Г. *Узбекистан в XVIII – первой половине XIX века. Ремесло, торговля и пошлины*. Под ред. Г. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1991.
- Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства (1886) // *История Средней Азии*. Сост. А. Булдаков, С. Шумов, А. Андреев. М., 2003.
- О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари (В. Григорьева) // *Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом*. 1861. Кн. 1. Кн. 2.
- Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // *Вестник Императорского географического общества на 1851 г.* Ч. 1, кн. 1. География историческая, VI. СПб., 1851.
- Семенов А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства // *Труды Средне-Азиатского Государственного Университета*. Сер. II. Orientalia. Вып. 1. Ташкент, 1929.
- Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским*. Ч. 1–2. СПб., 1818.
- Соколов Ю. *Ташкент, ташкентцы и Россия*. Ташкент: Узбекистан, 1965.
- Сухарева О.А. *Бухара XIX – начала XX в.* М.: Наука, 1966.
- Филипп Назаров. *Записки о некоторых народах и землях средней части Азии*. М.: Наука, 1968.
- Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУ)*. Ф. 1591. Оп. 2. Д. 17.
- Чехович О. Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в. // *История и культура народов Средней Азии (древность и средние века)*. Под ред. Б. Гафурова и Б. Литвинского. М.: Наука, 1976.
- Чехович О. Сказание о Ташкенте // *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1968*. М.: Наука, 1970.
- Eshel (Achil'di) M. *Galeriya Demuiot shel Rashei Yahadut Bukhara*. Jaffa: Beyt ha-Tarbut shel Yehudey Bukhara beYsra'el, 1966.
- Pe'amim*. Ben-Zvi Institute for Study of Jewish Communities in the East Quarterly, no. 35. Jerusalem, 1988.
- Tajer N. *Toldot Yehudey Bukhara miShnat 600 'ad 1970*. Tel Aviv, 1970.

REFERENCES

- Bababekov H. *National movement in the Kokand khanate and their socio-economic and political preconditions (18–19 centuries)*. Tashkent: Fan, 1990.
- Bartold V.V. *Works*. Vol. 2, part 1. Ed. by B. Gafurov. Moscow: Nauka, 1963.
- Budrin. Russian Bukhara in 1820 (Notes of an eyewitness) // *Reference book of the Orenburg region on the 1871 Edition of the Orenburg statistics*. Pt. II. Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGA RU).
- Chekhovich O. City government in Tashkent in XVIII century // *History and culture of the peoples of Middle Asia (antiquity and the middle ages)*. Eds. B. Gafurov and B. Litvinsky. Moscow: Nauka, 1976.
- Chekhovich O. The legend of the Tashkent // *Written monuments of the East: Historical-philological studies. Yearbook 1968*. Moscow: Nauka, 1970.
- Concise Jewish encyclopedia (CJE)*. Vol. 8. Jerusalem, 1996.
- Dobromyslov A. *Tashkent in the past and present. Historical essay*. Tashkent, 1912.
- Eshel (Achil'di) M. *Galeriya Demuiot shel Rashei Yahadut Bukhara*. Jaffa: Beyt ha-Tarbut shel Yehudey Bukhara beYsra'el, 1966.
- Ilyayev A. *Experiences*. New York, 2005.
- Ivanov P. *Essays on the history of Central Asia*. Ed. A. Borovkov. Moscow: Publishing house of Oriental literature, 1958.
- Krause I. Notes on the distillery manufacture in Tashkent // *Russian Turkestan*. Vol. 2. Moscow – Saint Petersburg, 1872.
- Kuropatkin A.N. *Kashgaria. Historical and geographical sketch of the country, its military strength, industries and trade*. Saint Petersburg: The Imperial Russian geographical society, 1879.
- Kuznetsov V. *The Qing Empire on the borders of Central Asia (second half of the eighteenth – first half of the nineteenth century)*. Novosibirsk: Nauka, 1983.
- Lunin B. *History of Uzbekistan in the sources. Uzbekistan in the reports of travelers and scientists (20–80-ies of the XIX century)*. Tashkent: Fan, 1990.
- Meyendorff E. *A Journey from Orenburg to Bukhara*. Ed. N. Halfin. Moscow: Nauka, 1975.
- Mikhaleva G. *Uzbekistan in the eighteenth – first half of the nineteenth century: Craft, trade and duties*. Ed. G. Pugachenkova. Tashkent: Fan, 1991.
- Nalivkin V. A brief history of the Kokand khanate (1886) // *History of Central Asia*. Comp. A. Buldakov, S. Shumov, A. Andreev. Moscow, 2003.
- Notes of the Imperial geographical society in the Department of Ethnography. T. XXIX // *Works of Chokan Valikhanov of Chingisovich* / Published by Veselovskii. Saint Petersburg, 1904.
- Pe'amim*. Ben-Zvi Institute for the Study of Jewish Communities in the East Quarterly, no. 35. Jerusalem, 1988.
- Philip Nazarov. *Notes on of the some peoples and lands of Central Asia*. Moscow: Nauka, 1968.
- Sadvakasov G.S. (ed.) *Chinese documents and materials on the history of East Turkestan, Central Asia and Kazakhstan in the XIV–XIX centuries*. Almaty: Gylm, 1994.
- Semenov A. Sketch of the land-tax and the tax system used. The Bukhara Khanate // *Proceedings of the middle Asian State University*. Ser. II. Orientalia. Vol. 1. Tashkent, 1929.
- Sokolov Y. *Tashkent, Tashkent, and Russia*. Tashkent: Uzbekistan, 1965.
- Some of the events in Bukhara, and Kashgar Joconde. Notes Mirza–Shems Bukhari (V. Grigoriev) // *The Scientists notes issued by the Imperial Kazan University*. 1861. Book 1. Book 2.
- Sukhareva O.A. *Bukhara in the nineteenth – beginning of the twentieth century*. Moscow: Nauka, 1966.
- Tajer N. *Toldot Yehudey Bukhara miShnat 600 'ad 1970*. Tel Aviv, 1970.
- The Kokand khanate on the latest information (1869) // *History of Central Asia. SB. historic works*. Eds. A. Buldakov, S. Shumov, A. Andreev. Moscow, 2003.
- The Siberian messenger, published by Gregory Spassky*. Pts. 1–2. Saint Petersburg, 1818.
- Trip of Pospelov and Burnashev in Tashkent in 1800 // *Bulletin of the Imperial geographical society in 1851*. Pt. 1, vol. 1. Historical geography, VI. Saint Petersburg, 1851.
- Valikhanov C. *Collected works in five volumes*. T. III. Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Alma-Ata, 1964.
- Zemlyanitsyn I. *Historical sketch of the Semipalatinsk region // Materials for statistics of Turkestan Krai*. Ed. Maev. Vol. 4. Saint Petersburg, 1876.